

ИЗВѢСТІЯ

по

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ЕПАРХІИ,

издаваемая при журналѣ „Отдыхъ Христіанина“

Цѣна „Извѣстій“ вмѣстѣ съ „Отдыхомъ Христіанина“
5 руб. Отдѣльно на „Извѣстія“ подписка не принимается.

№ 15-16. 15-го Августа. 1909 г.

Отдѣлъ оффиціальныи.

Распоряженія Епарх. Начальства.

Утверждены въ должности старость: 17-го Іюля—пот. поч. гр. Дмитрій Ананьевъ—къ церкви СПБ. I гимназіи.

Утверждены: 18-го Іюля—священники Гдовскаго уѣзда Василій Быстровъ и Константинъ Модестовъ—помощниками благочиннаго по 1-му округу Гдовскаго у.

Опредѣлены: 17-го Іюля священникъ (на вакансіи діакона) Новодеревенской церкви, СПБ. у., Григорій Одоевскій—на вакансію священника при названной церкви; діаконъ (на вакансіи псаломщика) той же церкви Михаилъ Ласкѣвъ—на штатную діаконскую вакансію при ней; 19-го Іюля—состоящій на вакансіи псаломщика при Пулковской церкви, Царскосельскаго у., діаконъ Андрей Ушаковъ—на вакансію штатнаго діакона при той же церкви; 20-го Іюля—пѣвчій Митрополитчяго хора Константинъ Раховъ—псаломщикомъ къ Новодеревенской церкви, СПБ. у.

Перемѣщены: 19-го Іюля — священникъ Доложской церкви, Гдовскаго у., Николай **Добряковъ** — къ Клопицкой церкви, Петергофскаго у.; 20-го Іюля — діаконъ церкви Императорской Николаевской Царскосельской гимназіи Михаилъ **Аннинскій** — на вакансію псаломщика къ Новодеревенской церкви, СПб. у.

Уволены въ отпускъ: Законоучитель Царскосельскаго женскаго училища духовнаго вѣдомства священникъ Михаилъ **Невскій** — съ 21-го Іюля на одинъ мѣсяць; священникъ Кронштадтской кладбищенской церкви Іоаннъ **Богоявленскій** — съ 20-го Іюля по 1-е Сентября; священникъ Гатчинскаго эстонскаго прихода Карпъ **Ламбергъ** — съ 1-го по 13-е Августа.

Умершіе: протоіерей Дубянской церкви, Гдовскаго у., Петръ **Недремскій** — 14-го Іюля.

Поправка.

Въ „Извѣщеніи отъ Совѣта С.-Петербуркскаго Исидоровскаго епархіального женскаго училища къ свѣдѣнію духовенства С.-Петербуркскаго епархіи“, напечатанномъ въ № 13 „Извѣстій по С.-Петербуркскаго епархіи“ вкралась ошибка. Въ извѣщеніи напечатано, что 27-го Августа всѣ воспитанницы должны явиться въ училище изъ отпуска на лѣтнія каникулы. На самомъ же дѣлѣ по журнальному постановленію совѣта училища, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, 27-го Августа будутъ произведены переэкзаменовки воспитанницамъ училища, а всѣ воспитанницы должны явиться изъ отпуска въ училище 31-го Августа.

Инспекторъ классовъ Протоіерей
Сергѣй Драницынъ.

Отдѣлъ неофициальный.

Къ исполнившемуся 100-лѣтію Петербургской духовной Семинаріи.

(Нѣсколько штриховъ изъ послѣдняго ея 35-лѣтія).

Послѣднія 35-ть лѣтъ Петербургской Духовной Семинаріи протекли на моихъ глазахъ. Все болѣе или менѣе характерныя явленія изъ ея жизни этого времени, внѣшняго и внутренняго характера, свѣтлыя и темныя, радостныя и печальныя, оставили въ моей головѣ и въ моемъ сердцѣ тотъ или иной слѣдъ. Все они, при воспоминаніи о минувшей моей школьной жизни и послѣдующей судьбѣ моей *almae matris*, проходятъ предъ моими уметвенными очами длиннымъ и стройнымъ рядомъ, въ достаточно точныхъ и опредѣленныхъ очертаніяхъ. Степень важности и значимости каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, конечно, не одинаковы, но безразличныхъ между ними нѣтъ; вырвать которое-либо изъ нихъ изъ среды другихъ, поставить отдѣльно и разсматривать независимо отъ послѣднихъ нельзя; каждое изъ нихъ, хотя бы и небольшое, связано съ предшествующими и послѣдующими явленіями извѣстными условіями, извѣстнымъ укладомъ тогдашней школьной жизни; да и древняя латинская пословица гласитъ: „non sunt negligenda parva sine quibus magna constare nequeunt“. Своими воспоминаніями о нихъ, своимъ взглядомъ на

нихъ и хотѣлось бы въ семинарскій юбилейный годъ подѣлиться съ бывшими питомцами Петербургской Семинаріи и, вообще, со всѣми тѣми лицами, для которыхъ не чужды ея интересы въ частности, и духовной школы вообще, но недостатокъ свободнаго времени, и находящіеся еще въ живыхъ виновники и устроители административной, учебной и воспитательной жизни семинаріи и нѣкоторыя другія обстоятельства, зависящія и независящія отъ меня, заставляютъ меня быть краткимъ и даже очень краткимъ и сдержаннымъ.—Итакъ, principium a Deo...

Близился къ концу 1872—3-ій учебный годъ. Наступали экзамены. Если помыслы всѣхъ, оканчивающихъ курсъ въ духовныхъ училищахъ, вообще говоря, сводятся къ одному пункту: „какъ бы благополучно сдать выпускные экзамены и какъ бы поступить въ семинарію“, то о четвертокласникахъ Александро-Невскаго духовнаго училища выпуска 1872—3 г. приходится сказать это въ особенности. Тѣсное, мрачное, грязное, въ нижнемъ своемъ этажѣ сырое, непривѣтливое зданіе училища, хлѣбъ съ водой или квасомъ вмѣсто чая—и то послѣ перваго урока—отсутствіе здоровыхъ, разумныхъ развлеченій и т. п.,—все это служило тогда причиной общаго нерасположенія учениковъ къ своему учебному заведенію, нерасположенія, оставшагося у многихъ на всю жизнь,—общаго стремленія возможно скорѣе оставить его, тѣмъ болѣе, что семинарія представлялась всѣмъ намъ обѣтованной землей, не въ смыслѣ только того учебнаго заведенія, которое надо пройти послѣ училища, но и въ смыслѣ содержанія, строя, жизни въ ней и т. п. Тамъ и зданіе свѣтлое, чистое, просторное, тамъ и пища и одежда и отношенія воспитанниковъ другъ къ другу лучше, тамъ „все лучше“. „Только бы поступить въ семинарію“—вотъ, что было на сердцѣ и на языкѣ рѣши-

тельно всѣхъ насъ—выпускныхъ. Но поступить въ нее тогда было не легко, гораздо труднѣе, чѣмъ теперь; нужно было сдать не только выпускные экзамены въ училищѣ и, при томъ, довольно строгіе, но и приѣмные въ семинарію, а послѣдніе были горше первыхъ. Страшили экзамены не только по тѣмъ предметамъ, по которымъ мы были подготовлены сравнительно слабо, но даже и по тѣмъ, въ которыхъ чувствовали себя сильными, какъ-то: катехизису, церковному уставу, русскому языку (преподавалъ ихъ тогда достойный доброй памяти смотритель училища, о. протоіерей К. Добронравинъ, впоследствии епископъ псковскій и порховскій,—см. наши воспоминанія о немъ въ „Церк. Вѣд.“ 1893 г. № 10) и латинск. яз. (преподавалъ, теперь тоже покойный, П. И. Аландскій, авторъ трудовъ: „Изображеніе душевныхъ движеній въ трагедіяхъ Софокла“, „Поэзія, какъ предметъ науки“ и др.). И страхъ этотъ былъ естественнымъ, если взять во вниманіе новую учебную обстановку, новыхъ преподавателей, наше незнакомство съ ихъ требованіями, методой спрашиванія и т. п. Больше же всего боялись мы экзамена по греческому яз., отчасти потому, что были недостаточно сильны въ немъ, отчасти же, и главнымъ образомъ, потому, что по этому предмету экзаменъ долженъ былъ производить весьма строгій, по дошедшимъ до насъ слухамъ, преподаватель (нынѣ умершій протоіерей Д. Т. Мегорскій, избранный на греч. яз. въ петербургскую семинарію въ авг. 1872 г.).

Наступила и прошла страдная пора училищныхъ экзаменовъ со всѣми ея тревоженіями и утѣшеніями. Мы всѣ окончили курсъ училища и, насколько помнится, всѣ получили право на поступленіе въ семинарію. Всѣ съ радостью оставили свою школу, но всѣхъ по выходѣ изъ нея, тайно занималъ и тревожилъ вопросъ: „а какъ то пройдутъ приѣмные экзамены въ се-

минарію? Всѣ-ли мы окажемся достойными такъ давно нами ожидаемаго и такъ сильно желаемаго званія семинариста? „Чувствовали мы, что предстоящіе каникулы будутъ для насъ не тѣмъ, чѣмъ бы они должны быть, не столько временемъ отдыха, спокойнаго и беззаботнаго времяпровожденія, сколько временемъ новаго труда, новыхъ тревогъ и безпокойства.—Быстро прошли короткіе каникулы (они начинались тогда, кстати, въ самыхъ послѣднихъ числахъ іюня); пришлось опять ѣхать въ училище съ тѣмъ, чтобы оттуда путешествовать на пріемные экзамены въ семинарію. Ходившіе ранѣе слухи относительно строгости семинарскаго преподавателя греч. яз. оправдались, экзамень произведенъ былъ дѣйствительно строго: нѣсколько человѣкъ изъ экзаменовавшихся провалились на немъ. Не избѣжали нѣкоторые изъ насъ за это время суда и осужденія, строгой также и внимательной къ своимъ обязанностямъ семинарскаго инспекціи. Дѣло въ томъ, что окончившіе курсъ училища, можетъ быть, даже въ большинствѣ, считали себя до пріема въ семинарію не подлежащими вѣдѣнію ни училищной, ни семинарскаго инспекціи,—тѣмъ болѣе, что съ послѣдней они не были даже знакомы, и потому находили дѣломъ не только пріятнымъ, но даже и позволительнымъ, на семинарскихъ мосткахъ (тогда еще не было панели) выкурить папиросу. Такъ разсуждали они, инспекторъ же семинарскій (теперь тоже покойный П. И. Нечаевъ) разсуждалъ иначе. Будучи не менѣе хорошо знакомъ со слабостями учениковъ училища, чѣмъ воспитанниковъ семинаріи, онъ выходилъ въ различное время дня на семинарскіе мостки прогуляться, и во время прогулки заставлялъ тутъ то одного, то двоихъ, то цѣлую компанію, наслаждающуюся табакокурениемъ. Заставивъ табакокуровъ бросить папирасы, онъ говорилъ имъ на тему о вредѣ этого рода развлеченія для молодежи, недозволитель-

ности его для учащихся дѣтей и юношей и предупреждалъ „и не помышлять даже о немъ по поступленіи въ семинарію“. За такой рацеей у табакуровъ слѣдовало, конечно, очень непріятное разочарованіе, какъ относительно объема своихъ юридическихъ правъ, такъ и предположенныхъ ими размѣровъ свободы жизни въ семинаріи.

Прошла и вторая страдная пора, вторые экзамены. Большинство изъ насъ, послѣ двойной фильтровки, было принято въ семинарію; меньшинство должно было искать какого-нибудь другого выхода изъ своего положенія. Итакъ, чаянія наши, наконецъ, сбылись, мечты осуществились: мы въ семинаріи; начинаемъ знакомиться съ нею, ея владѣніями и порядками подробнѣе. Хорошо выглядѣла она, особенно лѣтомъ, со своими флигелями, разбитымъ между ними садикомъ и сосѣднимъ академическимъ съ правой стороны Обводнаго канала, а еще лучше съ лѣвой, которая въ наше время представляла изъ себя обширное зеленое поле съ пасущимся на немъ стадомъ городскихъ коровъ, а теперь—площадь, изрѣзанную запасными путями Николаевской желѣзной дороги и загромажденную почти вплотную складами кирпича, шпаль, дровъ и т. п. Бѣлыя стѣны ея симметрично расположенныхъ зданій на зеленомъ фонѣ садовъ не производили впечатлѣнія казенной постройки, выглядѣли нарядно, ласкали глазъ; даже избушка для привратника, приткнувшаяся къ самой садовой рѣшеткѣ, и та построена такъ на мѣстѣ и такъ уютно, что казалась издали не сторожевой будкой, а садовой бесѣдкой. Во флигелѣ у Казачьяго моста чрезъ Черную рѣчку жили преподаватели и экономъ семинаріи (почтенный старецъ тогда, теперь тоже покойный, П. А. Троицкій; послѣ его смерти экономы получаютъ квартиру уже въ главномъ семинарскомъ зданіи); во флигелѣ у академическаго сада только два

преподавателя; остальное помещеніе занято было подѣ больницу (вся лѣвая отъ входа часть нижняго этажа), правленіе, канцелярію, архивъ семинарскій и ректорскую квартиру (весь верхній этажъ флигеля). Ректоромъ семинаріи, при нашемъ поступленіи въ нее, былъ архимандритъ Хрисанъ (Ретивцевъ, избранный ректоромъ въ 1869 г. въ общемъ собраніи Правленія значительнымъ большинствомъ голосовъ), впослѣдствіи епископъ астраханскій, съ 1877 г., нижегородскій, 1879 г. уволенный по разстроенному здоровью на покой въ московскій первоклассный Донской монастырь. Самъ, занятый съ утра до вечера дѣломъ, служебнымъ и личнымъ, онъ и намъ, своимъ питомцамъ, подавалъ примѣръ трудолюбія, аккуратности, исполнительности. Вставалъ онъ, между прочимъ, очевидно, рано и рано же принимался за работу. Еще до утренней молитвы (она совершалась въ то время въ 7 ч. утра) его можно было видѣть ежедневно сидящимъ у окна (крайняго налѣво) съ перомъ и бумагой въ рукѣ: онъ писалъ тогда получившія затѣмъ извѣстность во всемъ образованномъ мірѣ и не потерявшія своего значенія и до настоящаго времени „Религіи древняго міра въ ихъ отношеніи къ христіанству“ (3 т. 1873—78 г.г.). Подробность мелкая, но все же характерная. Въ подвальномъ этажѣ главнаго зданія помещались: кухня, хлѣбопекарня, хлѣборѣзная, швальная, воскресная школа, водокачка, въ которую мы заходили иногда поразмять свои члены, повертѣть большое и тяжелое маховое колесо; тамъ же жило большинство семинарской прислуги и добрый, симпатичный преподаватель нѣм. яз., церковнаго пѣнія и, по желанію, музыки, авторъ нѣсколькихъ композицій, церковныхъ и свѣтскихъ, оставшихся большею частью въ рукописи, М. П. Строкинъ (теперь тоже покойный). У него, холостяка, обычно столовались холостяки-преподаватели и иногда послѣ обѣда

благодушествовали тамъ за музыкой и пѣніемъ: мы, ученики, знали это и не теряли случая послушать музыкальное тріо (рояль, скрипка, флейта) или пѣніе подъ аккомпаниментъ рояля. Любитель и знатокъ музыкальнаго дѣла, М. П. Строкинъ умѣлъ передавать свою любовь къ послѣднему и свои знанія и ученикамъ; въ то время семинаристы такъ хорошо пѣли и такія исполняли интересныя мелодіи, что въ семинарскомъ храмѣ за Богослуженіемъ можно было видѣть стороннихъ, внѣшнихъ Семинаріи, богомольцевъ и особенно много наканунѣ храмоваго праздника и въ самый праздникъ. Невольно припоминается при этомъ и такая подробность семинарской жизни. 5-го октября, въ день именинъ инспектора, а иногда и 17-го сентября, въ день именинъ жены его, гости изъ инспекторской квартиры нарочито приходили на вечернюю молитву въ церковь послушать мощное и стройное пѣніе всѣхъ воспитанниковъ *in corpore*, равно какъ и читавшіяся ими молитвы. И воспитанники, видя среди себя постороннихъ лицъ и зная цѣль ихъ прихода, въ эти минуты какъ-то особенно хорошо держались и какъ-то особенно чинно и благопристойно совершали молитву. На нижнемъ корридорѣ были: квартира инспектора, двѣ преподавательскихъ квартирки, фундаментальная бібліотека, очень тѣсное и мало-приспособленное для своего назначенія помещеніе, гимнастическій залъ съ необходимыми гимнастическими приборами, свѣтлая и просторная ученическая столовая, пріемная комната и буфетная съ шкафами для чайныхъ шкатулокъ и машиной для подъема изъ подвального этажа ученическихъ обѣдовъ и ужиновъ.—На второмъ классномъ корридорѣ находились: чудная, въ смыслѣ свѣта, резонанса, скульптурныхъ изображеній на стѣнахъ и т. п. церковь (многіе изъ бывшихъ учениковъ и богомольцевъ съ радостью и благоговѣніемъ вспоминаютъ ее и теперь, и

отдаютъ ей предпочтеніе предъ новой), свѣтлые и просторные классы, ученическая библіотека, физическій кабинетъ и квартира для помощника инспектора, — такая обширная и такая благоустроенная, какихъ въ настоящее время помощники инспектора петербургской семинаріи не имѣютъ. На третьемъ: просторныя спальни, коммодныя, умывальныя, гардеробъ для пальто и съ 1881 г. небольшая, въ два окна, квартирка для новаго должностнаго лица — надзирателя за воспитанниками.

За главнымъ зданіемъ находилась большая зеленая лужайка съ садовой гимнастикой; по одну сторону ея, у Черной рѣчки — баня и дровяной дворъ, по другую — прачешная, ледникъ, конюшня, экипажный сарай, помѣщеніе для прачекъ и кучера, — все это подъ одной крышей. За лужайкой слѣдовалъ садъ, посрединѣ котораго находился небольшой круглый прудъ съ карасями и тритонами.

Наибольшимъ вниманіемъ учениковъ пользовалась лѣвая часть сада, такъ какъ здѣсь на грядахъ обычно росла капуста и, слѣдовательно, по пріѣздѣ съ каникулъ можно было лакомиться кочерыжками и такъ какъ, далѣе, здѣсь же, непосредственно за дровянымъ дворомъ, съ одной стороны, и въ углу, у забора, отдѣляющаго семинарскій садъ отъ митрополичьяго, съ другой, — росъ довольно густой кустарникъ, дававшій весьма удобный и закрытый отъ глазъ инспекціи пріютъ для тѣхъ учениковъ, которые летѣли перекинуться въ картишки, почитать книжку, взятую не изъ семинарской библіотеки или по приставной лѣстницѣ переправиться чрезъ заборъ на набережную Черной рѣчки и по набережной на Невскій проспектъ и т. п. Можетъ быть, именно, въ силу тѣхъ „благъ“, того особаго удовольствія и наслажденія, которое можно было получить только въ этихъ укромныхъ уголкахъ или только

благодаря имъ, одинъ изъ нихъ носилъ названіе на языкѣ учениковъ „Палестины“, другой—„Финикии“. Но какъ насельники обѣтованной земли за свои недозволенные увлеченія несли наказанія, ниспосылаемыя имъ свыше, такъ и адептамъ запрещенныхъ развлеченій, полученныхъ въ семинарской „Палестинѣ“ или чрезъ нее, приходилось расплачиваться за послѣднія довольно дорого (вплоть до увольненія изъ семинаріи), — правда, только не всегда, а иногда, т. е. когда инспекторъ или его помощникъ то накроетъ здѣсь картежниковъ, то замѣтитъ устроителей переправы чрезъ заборъ, то направляющихся въ путешествіе, то возвращающихся уже изъ него. При этомъ, дѣло не обходилось безъ трагикомическихъ сценъ, и это, конечно, уже особенность семинарской „Палестины“. Бывало такъ, что инспекторъ не найдетъ какихъ-либо воспитанниковъ на семинарской территоріи; порѣшивъ, что они ушли „въ городъ“ (семинарія считала и считаетъ себя находящейся внѣ города) и сообразивъ приблизительно время ихъ возвращенія, направится въ садъ, къ мѣсту переправы, съ книгой или газетой, сядетъ гдѣ-нибудь тутъ или начнетъ ходить взадъ и впередъ по дорожкѣ до тѣхъ поръ, пока не послышатся за заборомъ голоса возвращающихся. Заслышавъ голоса, онъ дастъ возможность возвращающимся договориться до конца и одному изъ нихъ переправиться въ садъ, затѣмъ, немедленно подойдетъ къ послѣднему и заставитъ по фамиліямъ вызывать остальныхъ находящихся по ту сторону забора. Бывало и такъ, что возвращающіеся останутся у забора и, не предполагая присутствія по близости члена инспекціи, займутся интимной и иногда пикантной бесѣдой. Переправившись же въ садъ, окажутся вдругъ предъ лицомъ своего начальника, неожиданнаго свидѣтеля ихъ послѣднихъ думъ, сужденій и намѣреній.—Въ самомъ концѣ сада, противъ средней

аллейки, была устроена немудреная бесѣдка; по линіи прачешной и прочихъ службъ находился второй огородъ для капусты; на немъ, какъ и на первомъ, также воспитанники по пріѣздѣ съ каникулъ вырѣзали себѣ кочерыжки, чѣмъ доставляли не мало безпокойства и хлопотъ такимъ заботливымъ и аккуратнымъ семинарскимъ экономамъ, какъ покойный П. А. Троицкій и дьяконъ А. Н. Дрызловъ.

Предъ началомъ уроковъ былъ отслуженъ въ семинарскомъ храмѣ молебенъ. Все намъ правилось въ семинаріи. Понравились, конечно, и храмъ ея, въ честь и прославленіе напереника Христова, св. Апостола и евангелиста Іоанна Богослова, и совершенное въ немъ Богослуженіе, и хоръ—не изъ дѣтскихъ уже голосовъ, какъ въ училищѣ, а изъ мужскихъ, и порядокъ, тишина въ храмѣ, и слово о. ректора, призывавшее насъ къ новому и усиленному труду, воспріятію новыхъ и полезныхъ ученій, вослиганію своего ума и сердца въ страхъ Божіемъ, внимательному и разностороннему приготовленію себя къ пастырству. Изъ церкви мы вышли настроенными благоговѣйно и серьезно, готовыми съ радостью, а не въздыхающе, понести то новое бремя, которое налагалось на насъ нашимъ новымъ званіемъ „семинариста“ и нашимъ новымъ учебнымъ заведеніемъ—семинаріей. Съ понятнымъ для всѣхъ интересомъ мы ожидали начала уроковъ. Вотъ, и новые уроки, и новые учителя. Слышатся новыя рѣчи, но въ то же время чувствуется, что нужно вспоминать и старыя, сказанныя намъ въ училищѣ; преподается алгебра, гражданская исторія, словесность, св. писаніе, классич. языки, церковное пѣніе, но одновременно приходится припоминать свѣдѣнія по ариѳметикѣ, географіи, русск. яз., св. исторіи, классич. яз. и пѣнію. Совершенно новымъ для насъ обязательнымъ предметомъ оказался

только нѣмецкій языкъ. Работы больше, чѣмъ въ училищѣ: приходится не только выслушивать классныя объясненія преподавателей, но и кое-что изъ нихъ и записывать; по нѣкоторымъ же предметамъ вести и систематическія записки.

Такія именно записи въ VI-омъ, напр., классѣ мы вели по догматич. и нравственному богословію, практич. руководству для пастырей (свой учебникъ по этому предмету П. И. Нечаевъ тогда только еще составлялъ), педагогикѣ и дидактикѣ. Нѣкоторые изъ насъ несли этотъ трудъ съ удовольствіемъ, и получали отъ него большую и несомнѣнную пользу: за отсутствіемъ учебниковъ или неполнотой ихъ выслушивали преподавательскія объясненія особенно внимательно, а воспроизводя ихъ послѣ урока и записывая, съ одной стороны, повторяли ихъ, съ другой, пріучались излагать слышанное на письмѣ. Характерно, при этомъ, что никакого ропота на отсутствіе учебника или записокъ съ нашей стороны не раздавалось, хотя этотъ ропотъ былъ бы даже законнымъ, такъ какъ въ „Устав. дух. семинарій и уч. есть §, предостерегающій преподавателей отъ обремененія учениковъ веденіемъ учебныхъ записей,—говоримъ „характерно“, такъ какъ теперь иногда слышится ропотъ, приносятся жалобы ректору, инспектору, преподавателямъ даже въ томъ случаѣ, если учебная книга по тому или другому предмету имѣется не у каждаго ученика. *Tempora mutantur et mores.*—Приходится писать и „сочиненія“ по различнымъ предметамъ на разнообразныя темы. Многіе изъ насъ относились къ нимъ внимательно и писали ихъ охотно и добросовѣстно и не „страха ради“, потому что тогда сочиненіе не признавалось за особый предметъ и баллъ по сочиненію не считался равнымъ по значенію баллу по предмету, какимъ признается онъ теперь, но ради интереса, къ болѣе или менѣе, самостоятельной работѣ и

часто къ самой темѣ. Несмотря, однако, на большое количество работы, почти всегда можно было выбрать время и для чтенія книгъ изъ ученической библіотеки, тогда, впрочемъ, еще небольшой, особенно, въ своемъ свѣтскомъ отдѣлѣ, и, отчасти, фундаментальной, — отчасти потому, что доступъ въ нее былъ затруднителенъ. Преподаватели того времени, въ общемъ, оставили въ насъ, своихъ ученикахъ, конечно, не въ одинаковой степени добрую память, чувство уваженія и признательности къ ихъ познаніямъ, ихъ педагогическимъ трудамъ, ихъ стараніямъ научить насъ добру и истинѣ, воспитать въ насъ добрыя начала жизни и дѣятельности. Правда, двоихъ изъ нихъ *nomina sunt odiosa* мы искушали, читали предъ урокомъ одного нѣсколько строкъ изъ „Анабазиса“ Ксенофонта или Иліады, Одиссеи Гомера до тѣхъ поръ, пока преподаватель не оборачивался лицомъ къ классу, не кланялся и не говорилъ: „уже что это у васъ сегодня такая длинная молитва?“, шумѣли и разговаривали на урокѣ другого, ушедшаго всецѣло въ переводимый вызваннымъ на середину класса ученикомъ латинскій текстъ на русскій яз., — шумѣли до того, что онъ отрывался, наконецъ, отъ книги, чрезъ пенснэ взглядывалъ на классъ, произносилъ довольно спокойнымъ голосомъ: „глупѣйте, глупѣйте, но будьте солидны“ и опять погружался въ свое дѣло; но съ одной стороны, такія эксцессы съ нашей стороны были весьма рѣдки, и мы еще въ семинаріи сознавали всю ихъ неумѣстность, съ другой, предъ великодушіемъ, можетъ быть, чрезмѣрнымъ, этихъ преподавателей, все же въ деликатной формѣ подчеркивавшихъ нашу невыдержанность, мы невольно и почти-тельно преклонялись.

Дисциплина, классная и внѣклассная, во время нашего пребыванія въ семинаріи была строгая. Началь-

ствуюція лица и, въ значительнымъ большинствѣ, преподаватели, видимо, прекрасно понимали и сознавали смыслъ древне-римской сентенціи: „ordo-anima rerum“. Къ приведенной выше иллюстраціи строгости и внимательности инспекціи къ своему служебному дѣлу добавимъ, что въ годъ нашего поступленія въ семинарію непосредственно послѣ молебна предъ началомъ занятій инспекторъ обошелъ всѣ классы, вездѣ сказалъ слово о необходимости соблюденія внѣшняго порядка по одной уже той простой причинѣ, что таковой соблюдается во всякой, хотя бы и небольшой, но благоустроенной семьѣ, и особенно долго и подробно бесѣдовалъ по этому вопросу съ нами, новичками, причемъ, въ заключение вручилъ каждому изъ насъ печатную брошюрку „Правиль поведенія воспитанниковъ С.-Петербургской духовной Семинаріи“, добавилъ, что эта брошюра должна быть для насъ настольной. И мы, дѣйствительно, всегда имѣли ее подъ руками и часто справлялись съ ней, хорошо знали требованія начальства по отношенію къ намъ и исполняли ихъ. Что касается „развлеченій“, то за время нашего обученія и, пожалуй, за послѣдующее, приблизительно, до второй половины 90-хъ годовъ, когда и среди нѣкоторыхъ семинарскихъ педагоговъ начинается крѣпнуть получившая въ свѣтскихъ школахъ уже значительную силу болѣзнь переутомленія учениковъ и, въ связи съ нею, мысль о доставленіи имъ побольше удовольствій,—и у самихъ воспитанниковъ возрастаетъ стремленіе къ послѣднимъ; ихъ было, вообще, немного: прогулка по семинарскому двору, саду, пѣніе, игра въ лашту, городки и для очень немногихъ на гитарѣ, скрипкѣ (собственныхъ),—вотъ, почти и все, что было въ распоряженіи воспитанниковъ въ свободное отъ уроковъ и вечернихъ занятій время. Отпуски „въ городъ“ давались только наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней и только воспитанникамъ, уходив-

шимъ къ роднымъ и, къ тому же, исправнымъ въ смыслѣ успѣховъ и поведенія, а въ самые воскресные и праздничные дни всѣмъ нештрафованнымъ воспитанникамъ, при чемъ, идущимъ „на прогулку“—до 4-хъ часовъ по полудни. Въ будніе дни можно было „отпроситься“ у инспектора или ректора только по особо важнымъ случаямъ или въ жизни самого воспитанника, или его родныхъ. И такія строгія условія отпусковъ, безвыходное пребываніе въ стѣнахъ заведенія, иногда по цѣлымъ недѣлямъ, воспитанникамъ трудолюбивымъ, занятымъ дѣломъ не казались обременительными, напротивъ, чѣмъ рѣже послѣднимъ приходилось выходить за семинарскую ограду, тѣмъ прогулка становилась для нихъ пріятнѣе и даже полезнѣе, тѣмъ меньше было поводовъ, столь обильныхъ въ огромной столицѣ, развлекаться и *eo ipso* отвлекаться отъ своихъ занятій. При испрашиваніи отпуска, въ будній-ли день или при лишеніи его, въ качествѣ наказанія, въ праздничный нужно было, какъ мы уже сказали, сослаться предъ начальствомъ на какую-нибудь серьезную причину. Въ такомъ случаѣ не обходилось дѣло также, какъ и при переправахъ чрезъ заборъ, безъ курьезовъ. Бывало иногда такъ, что воспитанникъ, „отпрашиваясь“ у инспектора на именины (вымышленныя) къ какому-нибудь родственнику или знакомому, называлъ такое имя, какого во все не значилось въ святцахъ за тотъ день, и этимъ выдавалъ себя съ ногъ до головы, или просилъ отпустить его къ дядѣ, теткѣ, бабушкѣ (назывались, конечно, имя, отчество, фамилія), живущимъ на такой-то улицѣ, въ домѣ № такомъ-то, тогда какъ по справкамъ, наведеннымъ впослѣдствіи инспекторомъ, оказывалось, что такого дяди, тетки, бабушки никогда не бывало въ Петербургѣ, а указаннаго № дома на такой-то улицѣ и совсѣмъ не имѣется, или наканунѣ среды и пятницы просилъ отпустить его на свадьбу, утверждая, что свадьба „сегодня“

и въ такой-то церкви, упустивъ совершенно изъ виду самое важное, т. е., что наканунѣ постныхъ дней недѣли свадебъ въ православныхъ церквахъ не вѣнчаютъ. Для такого воспитанника въ результатѣ получалось двойное горе: и не получалъ онъ отпуска, во 1-хъ, и попадался въ обманѣ, за который въ то время карали строго, въ 2-хъ.—Весьма интересно, что къ числу неблагоприятныхъ для учебныхъ занятій въ петербургской духовной семинаріи условій упомянутый уже нами ректоръ ея, архимандритъ Хрисанъ, относилъ, прежде всего, столичную жизнь. „Къ неблагоприятнымъ условіямъ“, писалъ онъ въ своемъ первомъ отчетѣ, „можно отнести, прежде всего, городъ, громадный и полный разнообразной жизни съ ея развлеченіями. Недостатокъ сосредоточенности и любви къ труду, требующему напряженія, есть одинъ изъ главныхъ недуговъ, которыми страдаютъ воспитанники С.-Пбургской дух. семинаріи. (А. Надеждинъ, „Исторія С.-Петербургской православной дух. сем.“ Петербургъ. 1885 г. стр. 591), и это совершенно справедливое замѣчаніе онъ писалъ тогда, когда воспитанники семинаріи видѣли городъ, сравнительно съ настоящими временами, очень рѣдко.

Конечно, въ монотонную школьную жизнь своихъ учениковъ вносились семинарской корпораціей возможные развлеченія или, въ крайнемъ случаѣ, дѣлались попытки къ этому и до половины 90-хъ годовъ. По настоящему вопросу можно привести слѣдующую небезынтересную справку. 160-й § „Уст. дух. сем. и учил.“ предписываетъ поощрять занятія учениковъ музыкой. Въ наше время это поощреніе ограничивалось дозволеніемъ брать частнымъ образомъ уроки на скрипкѣ у М. П. Стр—на, для чего была приобрѣтена скрипка, а для воскресной школы небольшая фисгармонія. Попытка устроить въ семинаріи концертъ воспитанниковъ при участіи и нѣкоторыхъ на-

ставниковъ была остановлена особымъ указомъ отъ 17-го Апр. 1871 года, вслѣдствіе предложенія оберъ-прокурора, въ которомъ сказано, что „подобныя собранія могутъ сопровождаться неблагопріятными въ педагогическомъ отношеніе послѣдствіями, требуя на приготовленіе къ нимъ не мало времени, отвлекая воспитанниковъ отъ прямыхъ обязанностей и развивая въ нихъ склонность къ разсѣянности и развлеченіямъ“; поэтому литературно-музыкальныя собранія предписано воспретить. (ibid. стр. 620—621).

Быть можетъ, нѣкоторые скажутъ—да иногда и говорятъ,—что въ указанные нами годы была дисциплина внѣшняя, порядокъ наружный, отношеніе инспекціи къ воспитанникамъ формальное, полицейское, что тогда и не было рѣчи о душѣ питомца, индивидуальномъ воспитаніи его и т. п.—Въ каждой семьѣ, каждомъ обществѣ, каждой школѣ, скажемъ мы на это, прежде всего и должна быть наружная дисциплина, внѣшній порядокъ (*ordo*); сознательно соблюдаемый учениками порядокъ это—искомое, идеаль, къ которому нужно стремиться; при существующемъ строѣ духовно-учебныхъ заведеній иначе поставить воспитательное дѣло трудно, вѣрнѣе, невозможно, и все же старая школа не забывала, насколько это было возможно для нея, и души, индивидуальныхъ особенностей питомца. Горе, тоска, задумчивое настроеніе, озлобленное и т. п., все это, по возможности, находило своевременный и сочувственный откликъ въ умахъ и сердцахъ очень многихъ лицъ, если не всего учебно-воспитательнаго состава. Замѣчательно въ данномъ вопросѣ то обстоятельство, что строгая дисциплина того времени тяготила немногихъ изъ насъ, только для немногихъ составляла неудобноносимое бремя. Большинство старыхъ питомцевъ съ глубокой благодарностью вспоминаютъ время своего обученія въ петербургской семинаріи и, въ частности

относительно дисциплины ея говорятъ, что ей, именно, они обязаны воспитаніемъ и образованіемъ добрыхъ началъ своей воли, своего характера, подготовкой къ трудовой жизни и безропотному перенесенію жизненныхъ невзгодъ. Въ указанномъ сейчасъ смыслѣ отзываются объ этой дисциплинѣ и бывшія въ петербургской семинаріи ревизіи: 1877—8 и 1881—2 г.г. „Воспитательная часть“, говоритъ первая, „представляетъ много добрыхъ задатковъ, хотя и не приведена еще въ состояніе полного и окончательнаго благоустройства“. „Мѣры взысканія правильны и цѣлесообразны“ (ibid. стр. 633). „Поведеніе и здоровье учениковъ“, согласно отзыву второй, „вообще, удовлетворительно, несмотря на то, что большинство учащихся поступаетъ въ семинарію съ надломленнымъ въ училищѣ здоровьемъ и съ навыками неблаговоспитанныхъ дѣтей. Благоразумная строгость и внимательность инспекціи, обнаруживающіяся какъ въ поддержаніи установившихся въ заведеніи воспитательныхъ порядковъ, такъ и въ противодѣйствіи неблагопріятнымъ внѣшнимъ вліяніямъ (со стороны, напр., нѣкоторыхъ отцовъ и родственниковъ, потворствующихъ слабостямъ и неисправностямъ отпускаемыхъ къ нимъ воспитанниковъ; а также вслѣдствіе поступленія, иногда противъ воли правленія, учениковъ, исключенныхъ изъ другихъ семинарій за поведеніе, которые, если не всегда вносятъ заразу, то увеличиваютъ своимъ вліяніемъ число недовольныхъ существующими въ семинаріи порядками, вообще, строгими, но для большинства здѣшнихъ семинаристовъ, вслѣдствіе привычки, не отяготительными),—обеспечиваютъ правильное развитіе характера и добраго нравственнаго настроенія учащихся“. (ibid.). Оберъ-прокурорскій отчетъ 1882 г. утверждаетъ, что „петербургская семинарія относится къ „сравнительно болѣе благоустроеннымъ во всѣхъ отношеніяхъ“ и что въ ней „дѣло обу-

ченія и нравственнаго воспитанія учениковъ поставлено на высотѣ, указанной Высочайше утвержденнымъ въ 1867 г. уставомъ духовныхъ семинарій“. (ibid. 636).

Кормили насъ въ семинаріи хорошо. Утромъ послѣ молитвы давали чай и къ нему 3-хъ копѣчную иногда только что испеченную французскую булку; за обѣдомъ три блюда, изъ которыхъ въ нѣкоторые дни два мясныхъ; послѣ перваго вечераго занятія—чай, къ которому можно было брать изъ буфета черный хлѣбъ или покупать на свои деньги бѣлый у булочника, всегда аккуратно въ это время находившагося возлѣ столовой; на ужинъ полагалось одно блюдо. Меню было простое, за то провизія, за небольшими исключеніями, всегда и вездѣ возможными, свѣжая; особенно славился своимъ вкусомъ семинарскій хлѣбъ. Обували и одѣвали насъ довольно прилично; выдавали, кромѣ нижняго бѣлья и полотенецъ, три пары сапогъ, при чемъ, одну изъ нихъ съ галошами, фуражку, пальто, сюртучный костюмъ изъ чернаго сукна и на лѣто нанковые жилетъ и брюки; послѣдніе на языкѣ семинаристовъ носили названіе „парусовъ“,—вѣроятно, потому, что, при легкости своего матеріала и широтѣ объема, легко поддавались даже небольшому движенію воздуха. Свое платье разрѣшалось носить только подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы оно подходило подъ принятый семинарскій покрой; отступленіе отъ послѣдняго преслѣдовалось строго; разрѣшалось употреблять бѣлые (но ни въ какомъ случаѣ не цвѣтныя) крахмальные воротнички и сорочки. Усы, бороды, длинные волосы носить не дозволялось; для услугъ воспитанниковъ въ въ этомъ случаѣ дважды въ недѣлю приходили контрактантные цирюльники. Жилось, словомъ, въ семинаріи хорошо. Помимо различныхъ удобствъ, указанныхъ и не указанныхъ здѣсь, въ ней было еще и

просторно, а это уже большой плюсъ для всякаго жилого помѣщенія, а, тѣмъ болѣе, для учебнаго заведенія. Достаточно сказать, что въ 1874—1879 г.г. число учащихся въ семинаріи колебалось отъ 140—156 (1878/9 г.); оканчивало курсъ: въ 1874 г.—25, 1875—17, 1876—11, 1877—23, 1878—16; 1879—13-ть, 14-ый—по церковной начитанности. Казенныя вакансіи иногда прямо предлагались и, при томъ, дѣтямъ состоятельныхъ родителей. По крайней мѣрѣ, припоминается одинъ такой случай, имѣвшій мѣсто въ 1875—6-омъ году. Во время вечернихъ занятій является къ намъ въ классъ инспекторъ, обычно оглядываетъ весь классъ, обходитъ около всѣхъ партъ, смотритъ, кто чѣмъ занимается, спрашиваетъ черныя „сочиненій“, справляется, откуда, изъ какой библіотеки взята читаемая ученикомъ книга, не нагрязнено-ли подъ партами и т. п., и предъ уходомъ изъ класса предлагаетъ и настойчиво предлагаетъ сыну весьма состоятельнаго пригороднаго протоіерея, имѣющаго еще только одну взрослую дочь, подать въ Правленіе Семинаріи прошеніе объ опредѣленіи его на казенное содержаніе; воспитанникъ благодаритъ за предложеніе, отказывается отъ него,—настойчиво и окончательно отказывается; кому, въ концѣ концовъ, досталось эта свободная казенная вакансія и скороли она была замѣщена, для насъ осталось неизвѣстнымъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Епархіальная хроника.

Освященіе мѣста подъ церковь Общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія.

7-го іюня сего года совершалось знаменательное торжество освященія мѣста подъ церковь Общества рел.-нрав. просвѣщ. во имя пр. Серафима, Саровскаго

Чудотворца. Съ освященіемъ каменнаго Воскресенскаго храма Общества, деревянное зданіе этой церкви оказалось свободнымъ. Чтобы не рубить его на дрова и вообще не обращать его на какую-либо другую житейскую надобность, давно Совѣтомъ предполагалось перенести ее куда-либо на окраину города, чтобы вызвать къ жизни новый центръ религіозно-просвѣтительной дѣятельности. Такое намѣреніе видимо угодно было Господу, ибо какъ разъ ко времени освященія Воскресенскаго храма состоялась передача О-ву большого участка земли за Нарвской Заставой въ размѣрѣ 1660 кв. саж., пожертвованнаго О-ву для религіозно-просвѣтительныхъ цѣлей его дворяниномъ Г. В. Овсяниковымъ.

Когда предсѣдатель Совѣта довелъ до свѣдѣнія Владыки-Митрополита о намѣреніи О-ва перенести за Нарвскую Заставу деревянный храмъ отъ Варшавки, Владыка потребовалъ отзыва мѣстнаго благочиннаго, насколько умѣстенъ и нуженъ новый храмъ въ той мѣстности, и вотъ что благочинный протоіерей П. П. Виноградовъ доноситъ Его Высокопреосвященству: 1) Предположенное для постройки храма мѣсто вполне удобно и благопримѣнно; 2) постройка новаго храма въ данной мѣстности, густо населенной, представляется вполне цѣлесообразной и благопотребной. На двухверстномъ разстояніи отъ Нарвской заставы до Путиловскаго завода со всѣми прилегающими сюда улицами и переулками православнаго населенія можно считать не менѣе 30 тысячъ человѣкъ; въ означенной мѣстности имѣются храмы—Путиловскій заводскій на 5 тысячъ молящихся, при Ушаковскомъ Земскомъ училищѣ на 3 тысячи человѣкъ, при Алафузовской больницѣ на 1 тысячу человѣкъ и при полицейской богадѣльнѣ на 1 тысячу; имѣющаяся же небольшая деревянная церковь въ Волынской деревнѣ и Богоявленскій храмъ на

Путиловскомъ островѣ находятся на очень большомъ разстояніи отъ предполагаемаго храма. Въ воскресенье и праздничные дни всѣ эти храмы переполнены народомъ. Поэтому можно смѣло надѣяться, что и новый храмъ Общества не будетъ пустъ. При свойственной сему Обществу заботѣ о лучшей постановкѣ богослуженія и проповѣдническаго дѣла, храмъ этотъ впослѣдствіи можетъ сдѣлаться центромъ религіозно-просвѣтительной дѣятельности всего нарвскаго района.

По полученіи такого отзыва, Владыка благословилъ совершить освященіе мѣста, предназначеннаго подъ храмъ, съ крестными ходами къ нему изъ молитвеннаго дома въ Болдыревомъ переулкѣ и церкви Путиловскаго завода. Послѣ Божественной литургіи въ молитвенномъ домѣ, совершенной преосвященнымъ Теофаномъ, епископомъ Ямбургскимъ, многолюдный крестный ходъ прибылъ къ мѣсту построенія храма и здѣсь соединился съ Путиловскимъ крестнымъ ходомъ. Затѣмъ преосвященный совершилъ водосвятный молебенъ, съ заговѣями преподобному Серафиму, соборне съ прот. Ф. Орнатскимъ и П. Миртовымъ, служащимъ въ молитвенномъ домѣ свящ. студентомъ о. Б. Клеандровымъ и др., и окропилъ мѣсто святой водою.

Земля подъ церковь пожертвована дворяниномъ Г. В. Овсяниковымъ, братомъ извѣстнаго ученаго, академика Ф. В. Овсяникова, а племянницею ихъ Е. В. Балаболкиной, являющеюся душою дѣла построенія здѣсь храма Божьяго, предоставлены на это дѣло значительныя средства. Изъ среды мѣстнаго населенія образуется кружокъ ревнителей храмовладельства, который и станетъ во главѣ, а неизмѣнный храмо-строитель О-ва И. Т. Соколовъ дастъ планъ и поруководитъ постройкою. Такъ, Богъ дастъ, и вырастетъ еще одинъ храмъ въ Столицѣ во Славу Божию и спасеніе людей.

Изъ инопархіальной печати.

VII.

«25 лѣтъ я неустанно стучусь въ наглухо замкнутую душу добраго русскаго крестьянина и достигаю ничтожныхъ результатовъ. Мнѣ не вѣрятъ; во мнѣ видятъ чиновника, заманивающаго крестьянина въ какую-то ловушку. А посмотрите, какъ бѣгутъ за сектантскими проповѣдниками? Подъ вліяніемъ проповѣди сектантовъ на многихъ глазахъ происходили самыя необычайныя превращенія. Самый потерянный въ нравственномъ отношеніи человѣкъ превращался нерѣдко въ высоконравственнаго и глубоко-религіознаго. Человѣкъ, который, быть можетъ, отродясь не держалъ книги въ рукахъ, пьянствовалъ, развратничалъ, мошенничалъ и вообще думалъ о религіи почти столько же, сколько о прошлогоднемъ снѣгѣ, вдругъ, послѣ нѣсколькихъ встрѣчъ съ пашковскимъ проповѣдникомъ, становился совершенно неузнаваемымъ. Въ теченіи какого-нибудь полугода онъ сдѣлался грамотнымъ, трезвымъ и въ высшей степени порядочнымъ человѣкомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Черезъ годъ-два онъ уже носитъ въ боковомъ карманѣ «Новый Завѣтъ», никогда не разстается съ нимъ, знаетъ его чуть-ли не весь наизусть, всякій разговоръ сумѣетъ свести на религіозную почву. Я близко зналъ нѣсколько такихъ проповѣдниковъ. На первый взглядъ это были самыя обыкновенныя крестьяне или мѣщане, по роду занятій—преимущественно ремесленники. Какой-нибудь такой сапожникъ ходитъ изъ дома въ домъ со своимъ неизмѣннымъ мѣшкомъ за плечами и Новымъ Завѣтомъ въ карманѣ. Всякіе разговоры онъ умѣетъ свести на религіозную почву. Онъ весь горитъ проповѣдническимъ ог-

немъ, онъ самъ весь проникнуть тѣмъ, что проповѣдуетъ. Искренность его и доброжелательность къ вамъ внѣ всякаго сомнѣнія. Вы это чувствуете и невольно поддаетесь его вліянію».

Такъ горячо исповѣдывалъ свои неудачи священникъ на страницахъ *Полоцкихъ* Епарх. Вѣдомостей. Свои-ли только неудачи? Оказывается, нѣтъ. Исповѣдь горячаго сердца перепечатывается другими вѣдомостями, толкуется и объясняется священниками другихъ епархій.

Приводя указанную выписку изъ *Полоцкихъ* Вѣдомостей, *Иркутскія* Вѣдомости этотъ вопросъ рѣшаютъ отъ себя.—«Спрашивается, почему сектантскому проповѣднику вѣрять, почему не заподозрѣваютъ его искренности? Ясно, въ чемъ секретъ. Слово жизни онъ предлагаетъ безвозмездно, не пользуясь ничѣмъ, между дѣломъ».

Итакъ, въ чемъ же причина неуспѣховъ современнаго пастыря?

Говорятъ, въ томъ, что онъ все дѣлаетъ за деньги: окрестилъ—плата, похоронилъ—плата... Сталь учить—скажутъ: «за деньги учить, отъ насъ живетъ»...

И дѣлаютъ выводъ: нужно уничтожить существующій способъ обезпеченія духовенства и дать ему определенное казенное жалованье. Правда, нѣкоторые идиоты возражаютъ: жалованье превратитъ священниковъ въ чиновниковъ, окончательно разрушитъ существующую еще близость священника къ приходу.

Въ *Екатеринославскихъ* Еп. Вѣдомостяхъ пишутъ: «Въ прошломъ номерѣ мы указывали на то, въ какое ненормальное положеніе поставлено православное духовенство въ дѣлѣ своего обезпеченія, въ какіе компромиссы съ совѣстью нерѣдко приходится вступать пастырю, какъ отъ этого унижается его авторитетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается его вліяніе на паству. Теперь само собою напрашивается вопросъ, какъ же сдѣлать такъ,

чтобы избавить духовенство отъ такого позора, какъ развязать его руки, освободить отъ матеріальнаго гнета и дать ему возможность высоко держать знамя пастырства. Первое рѣшеніе это — обезпечить духовенство казеннымъ жалованьемъ. Кажется, такимъ путемъ вопросъ рѣшается ясно и прямо и едва-ли возможно спорить противъ такого рѣшенія: такъ очевидна его польза. Между тѣмъ очень часто приходится слышать и въ печати и устно возраженіе, что обезпеченіе казеннымъ жалованіемъ будто бы создастъ изъ пастырей чиновниковъ, людей двадцатаго числа, бездушныхъ и сухихъ формалистовъ, въ которыхъ никогда не можетъ возгорѣться святой огонекъ пастырскаго вдохновенія, сознанія высоты и святости своего служенія, энергичной и пламенной дѣятельности на пользу ближнихъ. Нѣтъ ничего опрочтивѣе и ошибочнѣе такого сужденія»...

Особенно горячо защищаютъ рѣшеніе въ такомъ смыслѣ вопроса *Тверскія* Вѣдомости:

«Многіе любятъ ссылаться, говорится здѣсь, что, если дать священнику жалованіе, то онъ обратится въ чиновника опредѣленнаго числа. Этотъ доводъ самъ собою падаетъ, если только глубже всмотрѣться въ сущность дѣла. Если бояться, что священникъ при новомъ положеніи обратится въ чиновника, то это можетъ съ нимъ случиться и теперь, если только онъ захочетъ. Не тѣмъ-ли онъ можетъ быть чиновникомъ и въ настоящее время, если онъ съ паствой не будетъ имѣть никакого нравственнаго единенія, кромѣ оффиціальнаго требоисправленія. Обошелъ деревню, собралъ деньги и домой, отслужилъ обѣдню, окрестилъ, отпѣлъ покойника, получилъ за требы и опять домой, а тамъ, какъ говорится, хоть трава не расти. Развѣ это не чиновничество? То же чиновничество, только разница въ томъ, что получка денегъ здѣсь происходитъ частично, а самое отношеніе къ своимъ обязанностямъ чисто чиновническое. При но-

вомъ положеніи скорѣе можетъ возродиться сознаніе, что ты обезпеченъ съ этой стороны, лишень всѣхъ острыхъ вопросовъ, а стало быть и нравственно обязываешься дѣлать то, къ чему призванъ. Меньше будетъ побужденій послужить ближнему, не будетъ дѣлежа приходовъ на богатые и бѣдные, не надо перекочевывать съ мѣста на мѣсто, искать въ приходѣ денегъ, а не пастырскаго дѣла. Вотъ посмотрите на католическое духовенство, на которое такъ любятъ ссылаться, и порядокъ служенія многимъ очень нравится: не обезпеченно-ли оно жалованіемъ, а между тѣмъ чиновничества тамъ мало, авторитетъ котораго, замѣтно, держится высоко, и паства относится къ нему съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ. А почему? Потому что имъ не приходится быть въ такомъ угнетенномъ положеніи, потому что онъ, какъ обезпеченный, никогда не пойдетъ на компромиссъ. Напротивъ, онъ самъ ставитъ себя въ такія условія, въ которыхъ ему выгоднѣе править паствою и усилить свое вліяніе».

Выводъ: если обезпечить духовенство, опредѣленною суммою изъ госуд. казначейства, оно поднимется въ авторитетъ, и будетъ свободно дѣйствовать.

Въ другихъ случаяхъ дѣлается возраженіе противъ жалованья, основанное на крайнемъ недовѣрїи къ духовенству. Говорятъ, если дадутъ жалованье, духовенство совершенно перестанетъ работать. Сейчасъ оно трудится подъ гарантїей получить вознагражденіе за каждую потребу, тогда не будетъ совершенно такого мотива.

Вознагражденіе приводитъ въ негодованіе *Московскія* Церк. Вѣдомости. Тамъ пишутъ по этому вопросу. «Главное возраженіе противъ насъ, что если мы будемъ получать жалованье, то ничего не будемъ дѣлать. Удивительное соображеніе! Допустимъ такую вещь: вотъ я, о. Иванъ, получаю *будущее* полное казенное содержаніе, т. е. за совершеніе таинствъ ничего не могу требовать или про-

силь съ прихожанъ. У меня—плюсъ—казенная квартира: однимъ словомъ, я обезпеченъ. Ко мнѣ является прихожанинъ съ крестинами.

— Окрести, моль, батюшка, младенца; воды ужъ натаסקали. Неужели вы, г. г., подозрѣвающіе насъ въ стремленіи къ ничего-недѣланью, скажете, что я не пойду крестить? Неужели вы не поймете, что это значить осуждать человѣка сверхъ мѣры грѣховъ его, и что, сколько бы исторія не зачисляла за нами грѣховъ, это всетаки значить, что приговоръ превышаетъ прегрѣшенія наши?»

Вѣдь и сейчасъ духовенство не мало дѣлаеть безъ всякаго вознагражденія. Бесѣды, чтенія, проповѣдь, школьная, благотворительная дѣятельности... «Да, духовенство не все за деньги работаетъ, продолжаетъ авторъ статьи, и говорить, что современный несчастный способъ содержанія есть единственный, при которомъ оно что либо дѣлаеть, есть ложь великая на крупное сословіе. И наши отрицатели казеннаго содержанія забываютъ, что и протестанское и католическое духовенство получаютъ отъ казны. У насъ въ Россіи имъ пользуется духовенство тѣхъ же вѣроисповѣданій и на ихъ бездѣятельность ихъ паства не жалуется. Жалуется на ихъ *дѣятельность* уже чрезмѣрную православное населеніе западной Руси, на ихъ фанатизмъ, на ихъ стремленіе приобрѣсть новыхъ овецъ въ свое стадо, приобрѣсть всякими путями... Что же, мы то не такіе же люди? Не на томъ же мы Евангеліи воспитаны? Или мы менѣе любимъ свое Православіе, свой народъ? Будеть вамъ, господа, подъ личиною любви къ церкви, враги ея! Просто бѣдность, семейность и способъ обезпеченія отвлекли насъ отъ широкой христіанской дѣятельности».

Въ заключеніе отмѣтимъ одну статью изъ Оренбургскихъ Еп. Вѣдом., занимающую совершенно особое положеніе въ рѣшеніи этого вопроса. Тамъ читаемъ:

«Допустимъ, что такъ или иначе вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства будетъ улаженъ: духовенство будетъ получать приличное его положенію жалованье и путемъ далеко не унижительнымъ. Пойдетъ ли тогда церковная жизнь на ладъ? Утверждать это трудно. Положеніе священника будетъ обезпечено и кто можетъ поручиться, что въ священный санъ изъ-за его выгодъ не пойдутъ всякіе люди, надѣвши личину религіозности и церковности? Вѣдь и чо сейчасъ духовное званіе, какъ ни говорятъ о матеріальной необезпеченности духовенства, избирается въ значительной части случаевъ по мотивамъ характера практическаго, «не ради Іисуса, а ради хлѣба куса». Какъ ни какъ, а все таки есть прямой для многихъ расчетъ быть священникомъ, хотя бы и въ захолутномъ селѣ. И можетъ быть, въ той долѣ матеріальной обезпеченности, которую сулитъ священный санъ кандидату, заключается еще большее зло, чѣмъ въ томъ тяжеломъ, матеріальномъ положеніи, на которое такъ жалуются. Какъ бы то ни было, но улучшеніе матеріальныхъ условій пастырскаго служенія должно вызывать опасеніе относительно того, что священный санъ сдѣлается предметомъ соисканія со стороны лицъ, раньше и не помышлявшихъ объ его достиженіи по мотивамъ внутреннимъ».

Не поднятіе благосостоянія должно возвысить авторитетъ духовенства, а полное уничтоженіе всякаго обезпеченія, получаемаго отънѣ. Священникъ никогда и ни отъ кого не долженъ получать денегъ. Въмѣсто того, чтобы разсуждать и разсуждать о внѣшнихъ благахъ, почему бы не попытаться придумать положеніе, при которомъ духовное лицо, являясь въ свой приходъ, ничѣмъ не было бы заинтересовано въ немъ, кромѣ своей проповѣди по крайней мѣрѣ, чтобы прихожане были увѣрены въ полномъ безкорыстїи своего пастыря и знали, что его проповѣдь—не профессїя, отъ которой онъ питается, а дѣло

призванія и любви къ ближнимъ. Въ этомъ, вѣдь, кроется суть вопроса о возвышеніи авторитета духовенства.

Такой выводъ авторъ статьи и находитъ. Онъ утверждаетъ, что священникъ долженъ жить своимъ собственнымъ трудомъ и заработкомъ. Пусть онъ живетъ, работаетъ, трудится, дѣлаетъ, что умѣетъ,—это его обезпеченіе, а пастырство—это слѣдованіе только своему призванію. Въ древней церкви духовные лица питались трудами рукъ своихъ. Въ Александріи во 2 вѣкѣ былъ епископъ, который содержалъ себя ремесломъ, единственно ему извѣстнымъ: онъ чинилъ старые сапоги. Древнее время должно служить идеаломъ въ настоящее. При такомъ положеніи въ священники семинаристы не пойдутъ. И не нужно ихъ. Пусть будутъ священниками крестьяне: сохой и топоромъ они заработаютъ себѣ хлѣбъ, а пастырствовать будутъ исключительно ради идеи.

Такъ рѣшается вопросъ объ обезпеченіи духовенства и поднятіи его жизни по епархіямъ. Не трудно видѣть, что ни одно изъ приведенныхъ здѣсь рѣшеній вопроса по существу не выясняетъ. У первыхъ авторовъ слишкомъ много надежды на помощь земную: дай жалованье, обезпечь, и я буду авторитетенъ, нравственно крѣпокъ и исполню свое призваніе. У послѣдняго вся надежда на помощь таинственную, невѣдомую,—забыты условія времени, требованія жизни, и начавши высоко, этотъ авторъ садится низко, когда приходитъ къ выводу: пусть будетъ священникъ безъ всякаго образованія, это даже лучше.

Что же, въ самомъ дѣлѣ, нужно духовенству жалованье, или нѣтъ?

Да, необходимо, чтобы избавить его отъ тяжелаго и случайнаго сбора въ руку со своихъ прихожанъ, сбора, который можетъ обезпечивать далеко не равномерно въ зависимости отъ различныхъ расположеній прихожанъ. Жалованье необходимо, но только нельзя увлекаться въ

защитѣ его. Жалованье подниметь матеріальное благополучіе духовенства, дать ему спокойное настроеніе, но и ни у кого не создасть идейнаго настроенія. Жалованье дасть бодрость и болѣе культурныя условія существованія, но духа пастырства не возродить. Нельзя забывать той истины, что если принижаетъ скудость, то достатокъ часто создаеть малодѣятельное благодушіе.

Мирянинъ.

Редакторъ протоіерей *П. Миртовъ.*

== ОТКРЫВАЮТСЯ СЪ ОСЕНИ ==

≈ 1909 года ≈

С.-Петербургъ, Жуковская ул., 12,

КУРСЫ КРАСНОРЪЧІЯ

ИЛИ

ШКОЛА ОРАТОРСКАГО ИСКУССТВА

— ПРИ —

ОБЩЕСТВЪ ЛЮБИТЕЛЕЙ ОРАТОРСКАГО ИСКУССТВА.

- I. „Выразительность рѣчи“—драматургъ П. М. Невѣжинъ.
- II. „Строеніе рѣчи“ (ритор.) профессоръ А. К. Бороздинъ.
- III. „Пластика“ (примѣнительно къ ораторскому искусству) артистъ Импер. балета В. И. Прѣсняковъ.
- IV. „Практическія занятія по логикѣ“ привать-доцентъ С. И. Поваринъ.

Плата за академическій 1909—1910 годъ шестьдесятъ рублей (60) вносится впередъ единовременно или отдѣльно за каждый семестръ по 30 руб. казначею Общества любителей оратор. искус. свящ. Е. М. Кондратьеву—Садовая ул., 40. За разъясненіями можно обращаться къ нему же или въ канцелярію школы: Кабинетская, 22 кв. 11.